

- Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. 2-е изд., испр. М., 2004.
- Иванова О. Е.* Правописание наречий: частеречная неоднозначность и проблема орфографической вариантности // *Российский лингвистический ежегодник*. Вып. 2 (9). Красноярск, 2007 (а). С. 69—83.
- Иванова О. Е.* Правописание наречий: правила и словарь // *Русский язык в научном освещении*. № 2 (14). М., 2007 (б). С. 147—163.
- Кайдалова А. И., Калинина И. К.* Современная русская орфография. М., 1971.
- Кузьмина С. М.* Теория русской орфографии. М., 1981.
- Кузьмина С. М.* Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) // *Жизнь языка*. Сб. в честь М. В. Панова. М., 2001. С. 406—411.
- Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965.
- Панов М. В.* О слитных и отдельных написаниях // *Вопросы русской орфографии*. М., 1964. С. 100—119.
- Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.
- Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник. М., 2006.
- Рогожникова Р. П.* Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: Около 1500 устойчивых сочетаний русского языка. М., 2003.
- Розенталь Д. Э.* Справочник по правописанию и литературной правке (Для работников печати). 4-е изд., испр. и доп. М., 1985.
- Русская грамматика. Т. 1, § 976. М., 1980.
- Чурмаева Н. В.* История наречий в русском языке. М., 1989.
- Шапиро А. Б.* Русское правописание. М., 1951; 2-е изд. — М., 1961.
- Щерба Л. В.* Теория русского письма. Л., 1983.

В. В. Лопатин

УПОРЯДОЧЕНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ПРАВИЛ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Нынешняя Орфографическая комиссия при Отделении литературы и языка РАН работает с 1990 г. В ее составе, кроме академических специалистов, — школьные и вузовские преподаватели, представители учительской общественности. Комиссия не ставит своей целью реформирование русской орфографии, не предлагает кардинальных изменений правописания, не затрагивает его основных принципов. Общее мнение большинства членов комиссии состоит в том, что современное русское правописание не нуждается в подобных изменениях и в упрощениях. Основной задачей комиссии была тщательная и детальная работа по упорядочению, корректировке текста Правил 1956 г. Естественно, что эти правила во многом устарели, да к тому же давно обнаружилась их неполнота: многие формулировки требуют дополнительных уточнений и разъяснений, а по целому ряду вопросов правописания в них нельзя найти

никаких рекомендаций. Школа вынуждена пользоваться различными справочниками и методическими разработками.

В результате длительной работы, обсуждений правил в научной и учительской среде, в многочисленных СМИ, была подготовлена и утверждена Орфографической комиссией новая, переработанная и значительно дополненная, редакция «Правил русской орфографии и пунктуации», соответствующая современной практике письма и современному (конца XX — начала XXI в.) состоянию русского языка.

Действующие до сих пор «Правила русской орфографии и пунктуации» были официально утверждены в 1956 г. — более чем полвека назад. Естественно, что за это время в формулировках «Правил» обнаружился ряд существенных пропусков и неточностей, а в самом языке появилось много новых слов и типов слов, которых в 1956 г. попросту не существовало. Необходимо было учитывать и современную практику письма, в ряде случаев отошедшую от предписаний Правил 1956 г. К тому же текст Правил 1956 г. сейчас мало кому известен, ими давно не пользуются, они фактически и не переиздавались уже около тридцати лет. Их заменили различные справочники для работников печати и методические разработки для преподавателей, а в этих изданиях нередко можно найти (как отмечают сами преподаватели, редакторы, корректоры) противоречивые рекомендации.

Таким образом, полный академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» [2006] — это ответ на насущные требования времени, я бы сказал — ответ уже несколько запоздавший, но тем более важный для всего нашего общества, а прежде всего — для преподавателей русского языка (как языка родного и как иностранного, преподавателей школьных и вузовских), а также для редакционно-издательских работников (редакторов, корректоров).

Вышедшая теперь на правах академического справочника книга вполне может рассматриваться как новая, более полная и современная, существенно дополненная и уточненная редакция действующих Правил 1956 г. Предложенные в справочнике очень незначительные орфографические изменения никак не могут считаться «реформой русского письма», как иногда пишут журналисты. Новый справочник содержит целый ряд разделов, вовсе отсутствовавших в Правилах 1956 г. Упомяну и кратко охарактеризую здесь наиболее важные добавления в орфографической части книги.

В справочник введено общее правило правописания беглых гласных в безударной позиции в именных основах (в корнях и суффиксах существительных и прилагательных). Передаются эти гласные буквами **о**, **е** или **и**. Буква **о** пишется после твердых парных согласных, например: *лапоть* (*лаптя*), *дочурок* (род. п. мн. ч. слова *дочурка*), *кухонь* (*кухня*), *близок* (*близкий*). Буква **е** — после парных мягких согласных, шипящих, **ц** и **ј** («Йота»)

перед всеми согласными, кроме *й*, например: *дятел (дятла), парень (парня), кашель (кашля), строчек (строчка), вкусен (вкусный), денег (деньги), клёцек (клёцки), спокоен (спокойный)*; исключения: *заяц (зайца), достоин (достойный), улей (улья)*. Буква и — перед *й*, например: *келий* (род. п. мн. ч. слова *келья*), *третий (третья), волчий (волчья)*. Тот же выбор букв — при отсутствии беглого гласного в других однокоренных словах, а не в других формах того же слова, например: *бестолочь* (ср. *без толку, бестолковый*), *искорка* (ср. *искра*), *солнечный (солнце), мебель (меблировать), Виталий (Витальевич), мания (маньяк)*.

В разделе правил, посвященном слитным, раздельным и дефисным написаниям, впервые введены так называемые корректирующие правила (или правила координации). Например, если часть слова обычно (по общему правилу) пишется слитно, то, присоединяясь к слову, пишущемуся с дефисом, она тоже должна писаться через дефис, а в соединении с раздельно пишущимися словосочетаниями — тоже раздельно. Сравним, напр.: *телепередача, телеведущий, телемост*, но *теле-пресс-конференция, теле-ток-шоу, теле круглый стол; полгода, полгорода, полстакана*, но *пол рабочего дня, пол записной книжки*; то же в такой конструкции, как *полудеревни — полудачные посёлки*. Раздельно должны писаться и первые части слов, обычно пишущиеся через дефис, если они присоединяются к словосочетаниям: ср., например, *мини-юбка, мини-компьютер, мини-футбол*, но *мини-стиральная машина*. А в сочетаниях с приложением, если одна из частей пишется раздельно, дефис должен заменяться знаком тире: ср. *директор-распорядитель*, но *директор — художественный руководитель, лётчик-космонавт*, но *научный сотрудник — космонавт*. Все такие дополнительные правила приводят написания в соответствие с теми смысловыми отношениями, которые существуют между соединяемыми языковыми единицами.

В разделе о написании аббревиатур впервые рассматривается правописание слов, производных от них. Все суффиксальные производные от аббревиатур — как звуковых (произносимых по звукам, как обычные слова), так и буквенных (произносимых по названиям букв) — пишутся только строчными буквами, например: *ооновский, мидовский, антиспидовый, гаишник* (от *ООН, МИД, СПИД, ГАИ*); *кавээнщик, эсэнгэвский, цезсковский, кабэшный* (от *КВН, СНГ, ЦСКА, КБ*). Зато в приставочных, сложных словах и составных наименованиях, характеризующихся слитным или дефисным написанием, буквенные и звуковые аббревиатуры сохраняют прописные буквы, напр.: *суперЭВМ, микроГЭС, УКВ-передатчик, МВ-печь, ДНК-содержащий*.

Изменения последних лет, происшедшие в общественном осознании религиозных понятий, потребовали включения в новый свод особого раздела «Названия, связанные с религией». В основе его — практика употребления прописных букв, существовавшая в дореволюционное время

и установившаяся за полтора последних десятилетия (после снятия идеологических запретов) в современной печати, — например, в словах *Бог*, *Господь*, *Богородица*, в названиях религиозных праздников и постов (*Пасха*, *Рождество*, *Крещение*, *Троицын день*, *Великий пост*), священных книг (*Библия*, *Евангелие*, *Коран*) и др. Однако вводятся существенные уточнения: о написании со строчной буквы слов *бог* и *господь* в выражениях междометного и оценочного характера, употребляющихся в разговорной речи вне прямой связи с религией (например: *ей-богу*, *бог знает что*, *не бог весть что*, *не слава богу* — «неблагополучно», междометия *боже мой*, *господи*), об употреблении прописной буквы в названиях народных праздников, связанных с церковным праздничным циклом, — таких, как *Святки*, *Масленица*, и ряд других уточнений.

В Правилах 1956 г. было немало и других рекомендаций, связанных с употреблением прописных букв и обусловленных директивными политическими ограничениями и запретами того времени. Так, в названиях высших партийных и государственных учреждений и организаций предлагалось писать все слова (кроме слова *партия*) с прописной буквы; теперь мы так пишем в них только первое слово: *Государственная дума*, *Федеральное собрание* и т. п. (а слово *Дума* пишется с прописной буквы только в тех случаях, когда оно употребляется вместо полного официального названия). Слово *Республика* полагалось писать с прописной буквы только в названиях республик СССР и так называемых «стран народной демократии»; теперь же мы пишем: *Федеративная Республика Германия*, *Южно-Африканская Республика* и т. д. Согласно тем же правилам, следовало писать, например, сочетания *Семилетняя война* и *Столетняя война* с прописной буквы, а *первая мировая война* и *вторая мировая война* — со строчной, как якобы «не являющиеся собственными именами». Даже в словаре-справочнике Д. Э. Розенталя «Прописная или строчная?», выходившем несколькими изданиями в 80-х гг. (см., например, [Розенталь 1988]), предлагалось писать названия четырех ведущих партий капиталистического мира — Республиканской и Демократической партий США, Консервативной и Лейбористской партий Великобритании — со строчной буквы (хотя Демократические партии всех других стран — Таиланда, Индонезии, Люксембурга и др. — с прописной). Разумеется, подобные рекомендации в практике печати давно уже перестали соблюдаться.

Установка нового справочника на полноту определила значительное расширение списков орфографически трудных корней и суффиксов (корней с орфографическими чередованиями гласных, таких же суффиксов и суффиксов с непроверяемыми безударными гласными); в соответствующих разделах правил приводятся полные списки глагольных корней с безударным беглым гласным, передаваемым буквой *и*, корней с буквой *ё* после шипящих и многие другие.

Значительно расширен по сравнению с Правилами 1956 г. раздел пунктуации; здесь более широко учитывается возможная вариативность знаков препинания. Так, в конструкциях с перечислением, в соответствии с современной практикой письма, допускается теперь не только двоеточие, но и тире, например: *Он вывесил на стенку свою драгоценную коллекцию — ножи, сабли, шашку, кортик* (Г. Щербакова).

При всей широте круга пользователей нового орфографического справочника он не предназначен быть школьным или иным учебником. К новому академическому справочнику в полной мере относятся следующие слова из предисловия к Правилам 1956 г.: «„Правила“ не являются учебным пособием для школьного преподавания орфографии и пунктуации: как объем правил, так и характер изложения их, вытекающие из специфических задач свода, не соответствуют ни тому количеству сведений, ни тому методу обучения, которые установлены для школы» [Правила 1956, 4]. Другое дело, что на основе содержащихся в справочнике правил (с соответствующим отбором материала) могут создаваться методические и учебные пособия, непосредственно направленные на обучение правильному письму, и такие же разделы общих учебников русского языка.

Нас нередко упрекают, исходя из установки, что справочник надо оценивать «как учебно-методическое пособие», за привлечение редкой или стилистически ограниченной лексики. Но, простите, правильно надо писать не только общеупотребительные и стилистически нейтральные слова, а все слова, независимо от их стилистической окраски, от сферы употребления и вообще от употребительности. Критикам, например, не нравится (см. замечания в Интернете на сайте МГУ), что, наряду со словом *вальтер-скоттовский*, приведенным в правилах 1956 г., в новом справочнике приведено еще несколько прилагательных этого словообразовательного типа: *жюль-верновский*, *робин-гудовский*, *козьма-прутковский*, *чарли-чаплинский*, *чайльд-гарольдовский* (а есть еще, добавим, *майн-ридовский*, *конан-дойлевский*, но зато *лев-толстовский* употребительно, вопреки мнению критика, только как прилагательное от названия железнодорожной станции *Лев Толстой*). Чем же эти слова плохи? Если данный словообразовательный тип ограничен лексически (прилагательными от достаточно устойчивых сочетаний имени и фамилии), — это вовсе не значит, что его в литературном языке нет или что эти прилагательные не вполне литературны. А разве плохо, что рядом с этими прилагательными приведены в справочнике прилагательные *дяди-Стёпин*, *тёти-Валин*, *бабы-Дусин*, *Анны-Петровнин* и т. п.? Их написание регламентируется в нашем справочнике впервые, и пусть они характерны для разговорной речи, — разве их не надо писать правильно? А наречия типа *по-жюль-верновски* или *по-тёти-Валиному* (образованное так же, как *по-Петиному*, *по-Таниному* и т. п.) вызывают у критика опять сомнения в их литературности, с чем согласиться никак нельзя.

Орфографические изменения, присутствующие все же в новом справочнике, крайне невелики. Предлагается писать окончание *-е* в словах с односложной основой на *-ий* (в предложном падеже) и на *-ия* (в дательном и предложном падежах): *о кие* (вариант с ударным окончанием: *о кие*), *о змие*, *к Ие*, *о Лие*, в «*Вие*» (таких слов всего около десятка, преимущественно это личные имена). А сочетания с препозитивным качественно-оценочным приложением типа *красавица-дочка*, *старик-отец*, *умница-сын*, *профан-редактор* предлагается писать, как и сочетания с постпозитивным приложением, через дефис. И те и другие написания нередко наблюдаются в современной печати, и, таким образом, предлагаемые изменения отражают тенденции современной практики письма.

Прилагательное *разыскной* предлагается писать по общему правилу написания приставки *раз-/роз-*, с буквой **а** (в безударном положении в этой приставке пишется только **а**), а прилагательные *деланый* («искусственный») и *считаный* («очень небольшой»: *считаное количество*) — по общему правилу, с одним **н** (в отличие от соответствующих страдательных причастий). В обоих случаях устраняются неоправданные исключения.

Правило о сохранении удвоенных согласных перед суффиксами (*группка*, *пятибалльный* и т. п.) дополняется уточнением, что оно не соблюдается в собственных личных именах с суффиксом *-к(а)*: *Алка*, *Жанка*, *Инка*, *Кирилка* (ср. соответствующие полные, официальные имена: *Алла*, *Жанна*, *Инна*, *Кирилл*) и т. п. Здесь нет никакого орфографического изменения, однако это уточнение отсутствовало в Правилах 1956 г.

В правилах переноса сняты некоторые ограничения, предусмотренные сводом 1956 г. В ряде случаев правила, прежде бывшие обязательными, признаются лишь предпочтительными. В частности, это относится к разделению групп согласных: разрешаются не только такие переносы, как *под-бросить* (с обязательным учетом границы между приставкой и корнем), но и такие, как *подб-росить*.

Занимаясь вплотную орфографической работой без малого двадцать лет, я все больше убеждаюсь в том, с каким уникальным объектом мы имеем дело. В этом объекте две составляющие — с одной стороны, собственно научная, лингвистическая, а с другой — общественно-культурная. Обе составляющие принципиально равноправны, они должны уравновешивать друг друга, перекося в ту или другую сторону недопустим. Именно поэтому при выработке предложений по изменению правописания так важна сугубая осторожность, взвешенность. Ведь многие из орфографических правил опираются на длительную историческую традицию.

Что касается лингвистической стороны вопроса, то необходимо продолжать нормализаторскую орфографическую работу, учет языкового развития и тех закономерностей письма, которые складываются со време-

нем. В период массовых заимствований иностранных слов современным русским языком желательно наладить отслеживание написания этих слов и своевременно вырабатывать рекомендации, не противоречащие закономерностям русского письма. Становятся актуальными всё новые орфографические проблемы.

Возвращаясь к вопросу о принципах, лежащих в основе предлагаемых орфографических изменений, необходимо особо подчеркнуть, что упрощение правил правописания не было для нас самоцелью. Современное русское письмо и не нуждается в упрощениях. Лишь в отдельных случаях предлагалось устранить логически неоправданную сложность правила.

К сожалению, мы не смогли, а точнее, нам не дали провести некоторые назревшие изменения в правилах, которые, как мне кажется, необходимы. Одно из них особенно востребовано школой, что подтверждено многочисленными высказываниями учителей — в частности, на учительской конференции в 2001 г. в Московском Доме учителя. Правило это касается написания одного или двух **н** в причастиях и прилагательных от бесприставочных глаголов несовершенного вида. Мы предлагали писать в словах типа *жареный, раненый, крашеный, стриженный, гружёный* всегда одно **н** — независимо от того, имеются ли при них синтаксически подчиненные слова или нет.

Предлагалась также унификация написания сложных слов с первой частью *пол-*, т. е. писать не только *пол-лимона, пол-апельсина, пол-яблока, пол-Москвы, пол-одинадцатого*, но и *пол-мандарина, пол-километра, пол-двенадцатого* и т. п.

С позиций сегодняшнего дня напрашивается предложение о расширении употребления разделительного **ъ** в тех случаях, где все еще «йотированность» гласного в середине слова после согласной никак не обозначается. Я имею в виду прежде всего сложносокращенные слова типа *Минюст, иняз, детясли, госязык, партячейка, спецеда*: в нашем проекте предлагается писать *инъяз, Минъюст, спеъцеда* и т. п. Все принятые до сих пор написания слов этой структуры неточно передают их звуковой состав, в них не хватает сигнала прочтения букв *е, ё, ю, я* как сочетаний «йота» с гласными, а таким сигналом в традиционно пишущихся слитно сложных и сложносокращенных словах может быть только разделительный **ъ**. Отсутствие его в подобных словах может тоже приводить к затруднениям в прочтении и понимании некоторых, довольно редких, сокращенных названий: такое, например, слово, как *облюст*, с ходу правильно и не прочтешь, не сразу догадаешься, что это областной отдел юстиции. Не случайно такое короткое слово, как *иняз*, фиксируется словарями новых слов (см. [Словарь новых слов русского языка 1995]) в трех орфографических вариантах, реально встречающихся в печати: *инъяз, иняз и ин-яз*. Эти варианты, конечно, вызваны все тем же стремлением прояснить

внешним видом слова его звучание, противоречащее принятому до сих пор слитному написанию без разделительного знака. Твердый знак необходим также при транслитерации иноязычных собственных имен (город *Хэнъян*, поселок *Торъял*, озеро *Ювясьярви*, писатель *Дзюньитиро Танидаки* и т. п.): без него правильно прочесть такие имена, по преимуществу редкие, попросту невозможно.

Да, конечно, сложносокращенные слова — особый тип слов, но он и очень молодой, не имеющий большой орфографической традиции — все это главным образом «советизмы» XX в., и подчинить их написание общим закономерностям нашей орфографии — ничуть не зазорно. Думаю, что и корректоры в этом вопросе нас поддержат, хотя они сейчас и стараются соблюдать запрет на **ъ** в сложносокращенных словах. Так, можно было заметить, что в первой публикации повести Андрея Платонова «Ювенильное море» («Знамя», 1986, № 6) в том месте, где герой узнаёт, что его попутчица «работает секретарем гуртовой партъячейки», последнее слово напечатано именно так, с **ъ**, и это, вполне возможно, отражает орфографию автора; однако в последующих изданиях повести буква **ъ** была здесь снята корректорами.

Правописание — это отнюдь не только результат нормализаторских усилий и не совокупность раз навсегда установленных общеобязательных правил. Это еще и саморазвивающаяся система, требующая регулярной и постоянной корректировки, упорядочения с учетом и развития самого языка, и существующей практики письма, в котором тоже происходят спонтанные изменения. Отслеживать эти изменения, фиксировать их в орфографических словарях и в тексте правил правописания — прямая обязанность специалистов. Конечно, лексический материал нередко долгое время сопротивляется четкой регламентации, отсюда возникает в некоторых случаях вариативность, нежелательная в орфографии. Характерным примером такой ситуации может служить слово *карате*, написание которого с конечной буквой *э*, как показывают материалы Интернета, по-прежнему не менее употребительно, чем написание с конечной *е*, рекомендованное орфографическими справочниками и словарями. В целом подобные случаи достаточно редки.

Как всем хорошо известно, нынешнее правописание — продукт длительного исторического развития. Вплоть до конца XIX в. русское правописание основывалось исключительно на узусе, и, хотя многие частные вопросы русского письма активно дискутировались в печати, никаких систематизированных сводов правил письма не было. Правила русского правописания выкристаллизовались спонтанно, в первую очередь под пером писателей-классиков. Знаменательной вехой, обозначившей систематизацию правил письма, стало появление трудов академика Я. К. Грота «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне»

(1873) и «Русское правописание» (1885; 22-е издание — 1916). По «гrotовским» правилам учились и до революции, и (с поправками на реформу 1918 г.) после нее.

Стоит вспомнить, сколько споров было в период общественного обсуждения предложений Орфографической комиссии 1904 г. по упрощению русского письма, вылившихся впоследствии в орфографическую реформу 1917—1918 гг. Споры велись между, условно говоря, «консерваторами» и «радикалами» — между противниками и сторонниками дальнейшего упрощения русского письма ради чистоты его принципов и ради облегчения преподавания русского языка. Среди «консерваторов», противников реформы, были весьма авторитетные люди, и их аргументы были весомы. Коренной вопрос был задан поэтом, филологом, мыслителем Вячеславом Ивановым: должна ли орфография упрощаться в угоду потребностям школы? Ведь педагогика — *ancilla vitae* (служанка жизни), а вовсе не наоборот (см. сравнительно недавно перепечатанную статью [Иванов 1998]).

Сейчас, в конце XX — начале XXI в., споры о той реформе, о ее приятии или неприятии, в сущности, давно уже стали достоянием истории, и, разумеется, в наше время было бы неуместно заставлять людей возвращаться к старой орфографии (хотя такие призывы иногда можно услышать). Тем не менее проблемы, поднятые тогда, актуальны и в настоящее время, и по-прежнему тезис «школа — служанка жизни» испытывается русистами на прочность.

И в наши дни наиболее разумный путь нормализаторско-орфографической работы, открывающийся взгляду специалиста, — это тот самый путь, который как нельзя точнее был сформулирован Вяч. Ивановым: «глубокая и научная, т. е. прежде всего чисто теоретическая, разработка запросов, предъявляемых самою стихией языка». Прежде всего — учет языкового развития и тех закономерностей, которые складываются, спонтанно или осознанно, в практике письма.

И еще один урок, урок-предостережение поэта-философа. Орфографическая реформа «по существу не допускает поспешности, да и жизнь такой реформы отнюдь не торопит». К чему может привести подготовленная поспешно реформа, показывают нам события 1964 г. Не состоявшаяся тогда реформа русской орфографии была скомпрометирована — сначала жесткими сроками, обусловленными распоряжением «сверху» (упростить русскую орфографию за полтора года!), а потом и немедленным тиражированием проекта в центральной газете. «Семь раз отмерить» авторам того проекта явно не удалось.

В делах орфографии не менее, чем чисто научная сторона, важны историко-культурная и общественная составляющие. Об этом и напоминает нам эссе Вяч. Иванова. Оглядываясь сейчас на предложения комиссии 1964 г., я думаю, что, при всей чисто научной, лингвистической обоснов-

ванности (хотя в ряде моментов и спорности) многих предложений, авторы того проекта упустили из виду неизбежный общественно-культурный шок, вызванный реакцией на ломку ряда традиционно (исторически) сложившихся правил и принципов письма и основанных на них устоявшихся орфографических навыков.

Орфография — один из важных элементов национальной культуры, и наличие общеобязательного реального, а не фантомного свода правил правописания — особенно в нынешнее время, время падения нравов, культуры и грамотности, — это некоторый просвет, намекающий на культурное здоровье общества. Такая работа для цивилизованной страны просто необходима.

Кстати, наши ближайшие родственники — белорусы и украинцы, не смотря на собственные трудности, занимаются сейчас аналогичной работой. Во Франции еще в 1990 г. принят и выполняется закон «о ректификации орфографии», предусматривающий частичные орфографические изменения (и это при всей традиционной консервативности французского письма).

Что же касается возникающих иногда в связи с нашим проектом суждений о том, сколько это будет стоить нашей стране и ее народу (имеются в виду необходимые переиздания словарей и учебников), то это не более чем демагогия. Словари у нас и так выходят ежегодно десятками изданий, учебники тоже переиздаются каждый год, и средства на это находят. Издатели будут только рады новому поводу переиздать кое-что из словарей, а более фундаментальные издания типа энциклопедий и не требуют срочного переиздания.

Введение общеобязательных правил орфографии и пунктуации, по видимому, потребует переходного периода (два или три года), в течение которого не будут считаться ошибками старые, не соответствующие новым правилам написания. Это особенно важно для оценки грамотности выпускников средней школы и вузовских абитуриентов. Официальное признание нового свода правил правописания — хороший повод для того, чтобы ведущие организации системы образования пересмотрели принципы оценки орфографических ошибок, обновили их классификацию, выработали на этот счет точные критерии, так необходимые для учителей-русистов.

Возникает острая необходимость найти наконец формы взаимодействия всех заинтересованных ведомств при выработке каких бы то ни было рекомендаций по лингвистическому и орфографическому оформлению текстов, по транслитерации наименований и другой подобной работе. Мы, со своей стороны, можем взять на себя оперативное установление правильного единообразного написания новых слов, появляющихся в русском языке, и своевременное обнародование этих сведений в той или иной форме, прежде всего словарной.

Проделанная нами работа так или иначе затрагивает интересы очень многих ведомств, давно уже живущих в состоянии орфографической неустойчивости и волонтаризма, разнобоя в рекомендациях словарей, действиях вузовских приемных комиссий и т. д. В этих условиях необходимо иметь единый орфографический закон. Новая редакция правил русского правописания — не каприз лингвистов, а веление времени. Разработчики правил, члены Орфографической комиссии РАН и все, кто участвовал в обсуждениях и в совершенствовании текста правил, надеются на понимание этого самой широкой общественностью и теми вышестоящими инстанциями, от которых зависит официальное утверждение нового свода правил. Наведение порядка в правилах письма, четкие орфографические рекомендации, выверенные новые орфографические словари — очень важный фактор повышения грамотности, и не только русских людей, но и всех тех, кто пользуется русским языком как неродным, кто изучает этот язык, остающийся и сейчас, в переживаемое нами время, великим и могучим.

Изданный в 2006 г. полный академический справочник (ср. также издания [2007; 2008]) — на сегодняшний день основной итог работы Орфографической комиссии РАН. Хотя он официально и не утвержден необходимыми правительственными инстанциями, им широко пользуются и преподаватели, и редакционно-издательские работники, он популярен. Авторы рассчитывают в дальнейшем на его официальное утверждение. Другим очень важным направлением орфографической работы является подготовка и издание орфографических словарей, различающихся как по объему и (соответственно) адресату, так и по содержанию. Хорошим примером может служить подготавливаемый в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Объяснительный орфографический словарь», содержащий обоснование предлагаемых нормативных написаний наиболее трудных в орфографическом отношении слов; актуальность такого словаря несомненна.

Литература

- Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1873.
- Грот Я. К. Русское правописание. СПб., 1885; 22-е изд. — Пг., 1916.
- Иванов Вяч. К вопросу об орфографической реформе // Русистика сегодня. 1998. № 3—4.
- Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.
- Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2006; доп. тиражи. — М., 2007; 2008.
- Розенталь Д. Э. Прописная или строчная?: Словарь-справочник. М., 1988.
- Словарь новых слов русского языка: Середина 50-х — середина 80-х годов. СПб., 1995.